

Els Beerten

Eén mens is genoeg

Эльс Бэйртен

ОДНОГО
ЧЕЛОВЕКА
ДОСТАТОЧНО

Москва
2020

УДК 821.112.5-31
ББК 84(4Нид)-44
Б97

Els Beerten
EÉN MENS IS GENOEG

Copyright © 2014 by Els Beerten
Original title Eén mens is genoeg
First published in 2014 by Em. Querido's Uitgeverij, Amsterdam

Перевод с голландского *Ксении Новиковой*
Художественное оформление, иллюстрация на переплете
Анастасии Ивановой

Бэйртен, Эльс.

Б97 Одного человека достаточно / Эльс Бэйртен ; [перевод с голландского К. А. Новиковой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 288 с.

ISBN 978-5-04-109419-5

Жюльетта родилась сиять — так говорил ее отец. Это он показал ей мир музыки, вместе они выступали в маленьком оркестре и были любимцами публики, с ним она впервые запела. Но его внезапная смерть все бесповоротно изменила. Теперь ей одной приходится отвечать за маленькую сестру Миа и зарабатывать на жизнь — ведь старший брат Луи ушел из дома сразу же после похорон, обрушив на мать поток проклятий: чудо, что сердце отца не разбилось раньше, ведь она всегда заботилась только о себе. Жюльетта старается не думать о матери плохо и делать для семьи все возможное, пока однажды не случается ужасная трагедия — Миа погибает после странной продолжительной болезни. Мать давала ей какие-то капли из бутылки с надписью «лауданум»... И каждый раз после этого к ним заходил доктор Франсен, для которого она всегда прихорашивалась. В вечер после смерти Миа в глазах у Жюльетты потемнело, в помутневшем мозгу блеснула только сталь кухонного ножа... Теперь придется научиться жить заново. Иногда для этого достаточно всего одного человека.

УДК 821.112.5-31
ББК 84(4Нид)-44

ISBN 978-5-04-109419-5

© Новикова К., перевод на русский язык, 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Надежда — это покорность.
А жить — значит не покоряться.

*Альбер Камю.
Брачный пир¹*

¹ Перевод Норы Галь.

Часть I

Окно

«Жди меня» — вот что ты сказал. Сказал, что это будет твой день. А потом запрыгнул на велосипед и с широкой улыбкой умчался прочь по улице.

И вот прошло девять месяцев. Бывали дни, что плохо начинались и еще хуже заканчивались. Я их все пережила, Луи. Но как только ты окажешься тут, перед моей дверью, я все тебе выскажу. Чтобы ты раз и навсегда уяснил, что в следующий раз я не справлюсь.

Первым делом ты захочешь сесть на скамейку. Повезло — воздух сегодня прозрачный, и даже из моего окна видно Францию.

Ты любишь смотреть на Францию, Луи. «У них там всегда отличная погода, и для любого найдется место», — вот что ты всегда говорил. Какое-то время я думала, что ты там. Я давно уже так не думаю. Ты не подведешь свою семью, потому что тогда ты подведешь сам себя. Тогда ты станешь никем.

Рожденная сиять

Я родилась в марте сорок четвертого, через семь лет после нашего Луи. Всю войну родители перебивались с хлеба на воду, но все же произвели меня на свет. Я этого долго не могла понять. Если бы моим первым ребенком стал Луи, других мне было бы не нужно. Я была бы счастливейшим человеком на земле.

Кажется, я родилась очень легко. Едва только наш отец вышел из комнаты, как мог уже возвращаться обратно. Он наклонился над колыбелью и, должно быть, так громко застонал, что его было слышно на другом конце деревни. «Нет ребенка красивее Жюльетты», — так он, должно быть, сказал, и невероятно, что у него могло родиться такое красивое дитя. Затем надел куртку и пропал.

Прождав три дня, мать обернула меня теплым платком, положила в колыбель рядом с печкой, обулась и направилась прямо в кафе «У башни». Там она выволокла отца из-за стойки бара и не отпускала до тех пор, пока они не оказались у нашего дома. Она открыла дверь и пнула его под зад, да так сильно, что он плашмя грохнулся на пол, сломав передние зубы и нос. Мать закрыла дверь, перешагнула через него, подошла к колыбели, расстегнула кофту и приложила меня к груди.

Он пролежал на полу час. Потом открыл глаза, с трудом поднялся, стер кровь с губ, со щек, с носа и с пола, развернулся и пошел к двери.

Мать сидела у печки, я все еще лежала у нее на груди.

— Что это он удумал? — спросила она.

— Ничего, — сказал отец, — вообще ничего, — и распахнул дверь.

Она больше не пойдет за ним, сказала наша мать. Больше никогда.

Дверь закрылась. Наш отец сел на пол, закрыл лицо руками. Самый красивый ребенок на земле, простонал он, у него такого красивого получиться не могло, не поискать ли ему чего у себя на голове, хотя он и так знал.

Наша мать улыбнулась. И продолжая улыбаться, встала перед ним — чтобы он как следует рассмотрел свою жену — самую быструю, самую умную, самую красивую женщину в округе. Разве она похожа на ту, что отдаст сердце какому-то проходимцу? Она хотела только своего мужа, его и никого больше.

Он кивал. Мне, потом ей, потом опять мне, и так целый час.

— Наша Жюльеттеке, — промямлил он. — *Наша*. Рожденная сиять.

— Так и есть, — кивнула наша мать.

Когда мне было два года, я знала Отче Наш, Аве Марию и «Погляди, как месяц над деревьями

светит»¹. Руки на полу, нога в воздухе, затягивала песню, и все принимались ахать: *«Аах, что за ребенок, что за чудо»*.

Должно быть, тогда все и началось.

«Жюль и Жюльетты»

Наш Луи видел, как ушел отец, и как мать его вернула, и как отцовский нос навсегда стал кривым из-за нее. Я сразу поверила Луи: ведь если наша мать вобьет себе что-то в голову, она ни перед чем не остановится.

Мать хотела не только отца, еще она хотела большую семью. Наша Миа была с ней не согласна, поэтому заставила себя ждать восемь лет. Как раз тогда, когда они уже не верили, что это произойдет, все и произошло.

— Три — хорошее число, — сказал наш отец.

Жили мы не на широкую ногу, но и не нуждались, потому что отец работал в поте лица. На самом деле на двух работах: он был шахтером и держал свой собственный танцевальный оркестр. Он пел и играл на аккордеоне, наш Луи был трубачом. Еще в оркестре были гитарист и барабанщик.

Мне едва исполнилось пять лет, когда они взяли меня с собой. Мне нужно просто смеяться, ска-

¹ Детская песенка в честь праздника Синтерклааса, персонажа нидерландского и фламандского фольклора.

зал отец в самый первый раз — смеяться так, как умею только я. Я еще не слишком твердо стояла на ногах, мои коленки в гольфах были слишком худыми, но я смеялась и смеялась, и все вздохнули «ааааах», и тут началась музыка, и ноги сами по себе пошли в пляс, а все продолжали ахать. Отец сказал, что он еще никогда не зарабатывал столько чаевых, что мне теперь можно выступать с ними каждый раз и что теперь наше название «Жюль и Жюльетты». На следующей неделе оно уже красовалось на большом барабане, на куртках музыкантов и на плакате. «Сегодня: “Жюль и Жюльетты”». Я была во множественном числе.

Наш Луи держался за трубу еще лежа в колыбели, а я начала танцевать раньше, чем научилась ходить, но наша Миа оказалась из другого теста. В первые годы жизни она постоянно болела. Днем у нее текло из носа, ночью она выкашливала легкие. «Наша болезненная малышка», — так ее называли родители.

— У нашей Миа слабые легкие, — говорила мать, — ей нужно к специалисту.

— На какие деньги? — спрашивал отец.

— Будем есть на один бутерброд меньше.

— Я и так знаю, что он скажет, — говорил отец. — Что все само пройдет.

Специалист сказал, что они оба правы. У Миа действительно слабые легкие, и, вероятно, это пройдет само по себе. Но все же будет полезно, если

малышка подышит морским воздухом — нет ничего лучше для легких.

— Нам надо на море, Жюль.

— Оно слишком далеко.

— Тогда давай купим машину.

Наш отец покачал головой. И продолжал качать. Знать бы, на какие деньги, мама.

— Болезнь моей матери добром не кончилась, — сказала она.

— У нашей Миа не испанский грипп.

— Ты так в этом уверен?

— У нее даже нет жара, — отвечал отец.

Каждую зиму мать заводила этот разговор. Испанка — худшее, что может выпасть на долю человека. Наша мать только успела родиться, как сразу же стала наполовину сиротой. Она всегда громко и долго всхлипывала, рассказывая об этом. «Такое меняет людей», — говорил тогда наш отец, обнимал ее и кивал нам. Я никогда не спрашивала, почему он кивал. В эти мгновения отец смотрел на меня так, словно я всегда его понимала. И я, само собой, молчала.

К счастью, специалист не ошибся. Наша Миа становилась все менее и менее болезненной. У нее почти никогда не текло из носа, и кашляла она теперь только изредка, как любой человек; она ходила и разговаривала, как мы все. Когда ей исполнилось три года, она пошла в школу. И с тех пор больше ни разу не болела.

«Теперь она будет выступать с Жюлем и Жюльеттами», — сказал отец, когда нашей Миа исполнилось пять. Так и случилось. У нее здорово получалось мне подражать, так что вскоре мы уже вдвоем плясали и беззвучно открывали рот под песни. Не потому что я не умела петь, я-то могла подхватить любую мелодию и повторяла ее без ошибок. Отец говорил, что у меня абсолютный слух, а для певицы это дар божий. Когда-нибудь он возьмет меня с собой в Париж, но пока что я слишком нужна Миа. Я — ее пример для подражания, я же понимаю это?

— Вас обеих зовут Жюльеттами? — спрашивали нас.

— Обеих! — отвечала наша Миа и смотрела так умильно, и смеялась так радостно, что никто не мог удержаться, чтобы не потрепать ее за щечку и не вздохнуть: «Какая же миленькая у тебя сестричка!»

Я всегда кивала, это было нетрудно. Пусть моя сестрица и была самым милым ребенком на земле, но вечер каждого понедельника предназначался только для меня. В первый час отец учил меня нотной грамоте, потом мы пели песенки, он со своим аккордеоном, я со своим абсолютным слухом. Ты и я, Жюльетта, мы рождены сиять. И хотя мне было всего тринадцать, и впереди лежал долгий-долгий путь, вечером понедельника я сияла.

Гены

Старый доктор ушел на пенсию, а его пациентов передали доктору Франссену. Поговаривали, что он заходил к каждому. Так оно и было, потому что как-то в воскресенье вечером он оказался перед нашим порогом.

— У нас никто не болен, — сказал отец.

— Вот и отлично, — ответил доктор. Он просто зашел познакомиться.

Есть кофе, сказала наша мать, или он хочет бутерброд, или, может быть, чего покрепче?

Доктор Франссен предпочел что покрепче. Мать взяла у него куртку, отец дал рюмку и помахал нам. «Смотрите, вот наше будущее, — сказал он торжественно, — наш Луи, наша Жюльетта и наша Миа». Доктор Франссен улыбнулся нам. Мы улыбнулись в ответ.

— Как занимательно, — сказал доктор.

Мы посмотрели на него с удивлением. Занимательно, доктор Франссен?

— Малышка, — ответил он, — ее волосы.

Его взгляд скользнул по Луи, по мне, по матери и по отцу. Я поняла, о чем он. У нас четверых каштановые волосы, а волосы Миа черные, как вороново крыло.

Отец спросил, что в этом плохого.

— Плохого? Да это же прекрасно! — ответил доктор Франссен. Должно быть, заложено где-то в ге-

нах, в генах, повторил он, понятно ли нам, что он имеет в виду?

Конечно, понятно, может, мы и простые люди, но уж точно не отсталые.

— Музыканты-гении, — сказал доктор Франсен, — раз могут каждого заставить пуститься в пляс.

Мы вновь вытаращились на него.

— «Жюль и Жюльетты», — пояснил он. — Лучший танцевальный оркестр в округе, так мне сказали.

— Так и сказали? — засмеялся отец. — Налей-ка ему еще, — обратился он к матери.

У Миа и правда были чудесные волосы. Волосы кинозвезды, так называла их мать, эти волосы нельзя отрезать. Она расчесывала их каждый день до тех пор, пока они не начинали сиять, как зеркало. «Можно в них глядеться», — говорила она, обнимала меня и чмокала в макушку. И мы вместе гляделись в волосы Миа.

— Почти близняшка, — смеялась мать.

И не было ничего прекраснее этих слов. И хоть я не видела того, что видела она, я, само собой, кивала.

Сбиться с пути

Наш барабанщик считал, что матери тоже нужно найти местечко на сцене.

— Мы можем дать ей бубен, — сказал он.